

УДК 316.6:930.85

КРИЗИС КАК КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2014 А.И.Белкин¹, В.И.Ионесов²

¹ Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

² Самарская государственная академия культуры и искусств

Статья поступила в редакцию 07.10.2013

В настоящей статье кризис рассматривается не только как вызов, но и как культурная реальность, как значимый ресурс обновления и преобразования социума. Кризис является системным явлением, необходимым для трансформации социальных и культурных институтов. На личностном уровне он проявляется как кризис идентичности, который обусловлен социокультурными факторами. Личность испытывает на себе сильное трансформирующее влияние культуры. В русле постнеклассического подхода кризис идентичности рассматривается как социально-дискурсивное явление, выступающее необходимой предпосылкой обретения новой идентичности, обеспечивающей развитие личности, культуры и общества.

Ключевые слова: кризис, культура, идентичность, культурная реальность, наука, система, трансформация.

В социальных науках предпринимаются попытки обозначить и доопределить быстро меняющуюся культурную реальность, выявить причины современного кризиса и обосновать возможные способы его предотвращения или укрощения в будущем. При этом очевидно, что понять смысл и природу современного экономического кризиса нельзя без обращения к культуре. Глобальные трансформации побуждают исследователей социальной турбулентности *выявлять родовые или общие черты в человеческой истории* (Э.Мейер). История культуры зиждется на незавершенности человека и достраивании себя до масштабов целостности. «Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять и себя» – пишет К.Ясперс¹. Кризис открывает самый короткий, хотя и весьма сложный и драматичный путь к этому пониманию. В кризисной культуре запускается механизм семиотических кодов, основная миссия которых переквалификация существующего порядка / беспорядка вещей и конструирование новой, на первых парах, больше воображаемой реальности. Поскольку кризис сопровождается обесмысливанием и размыванием ценностей, то структурирование

возможно лишь посредством привнесения нового смысла и постулатов определённости в меняющуюся культуру. Большинство исследователей считают, что стабильное состояние не продуктивно для интеллектуальных поисков существенных значений культуры и что именно бесструктурное состояние кризисной реальности может пролить свет на понимание онтологических оснований и функциональной специфики надбиологических образований социума. Заметим, что ничто так не подчёркивает важность структурного порядка культуры, как его отсутствие. Так же как ничто так не раскрывает жизненную силу культуры как критическая ситуация с риском и опасностью её разрушения. Вот почему кризис можно считать лучшим временем для культурологической рефлексии.

Культурная реальность кризиса как сфера нагнетания семиотических значений (семиозиса) является наиболее информативным комплексом в исследовании корневых структур культуротворчества и социальных взаимодействий. Кризис радикализирует смысловые и мировоззренческие установки и выводит на поверхность социальной жизни самые глубинные, рудиментарные структуры, подменяя ими остатки распада умирающей культуры. Сегодня «именно кризис ...радикальная историчность задает все приоритеты в сфере знания. Предметом объективного познания всегда становятся остатки процесса распада» – пишет Р.Жирар². Никогда в культуре не складываются такие

⁰ Белкин Антон Игоревич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии факультета психологии. E-mail: rotati@mail.ru
Ионесов Владимир Иванович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры. E-mail: ionesov@mail.ru

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.И.Левиной. – М.: 1991. – С. 240.

² Жирар Р. Насилие и священное. – М.: 2000. – С. 286.

благоприятные условия для смены мировоззренческих парадигм, регенерации давно забытых традиций и принятия инноваций как в период кризиса. В продуктах распада культивируется новая реальность, и прежде всего, рождаются или переоформляются символы, мифы, образы, ритуалы, всё то, что с помощью воображения компенсирует утраченную реальность.

Нередко перекалфикация кризисной культуры осуществляется в виде радикальной смены жизненных установок («парадигм развития») и оборачивается экспансией мифотворчества или так называемым «семиотическим экстремизмом» (Ж.Делёз, Ф.Гваттари). На это также обращал внимание Ю.М.Лотман в своём исследовании семиотического механизма культуры³. Основная «работа» культуры состоит в структурной организации окружающего человека мира, привнесение новой, структурно упорядоченной и предметно артикулированной композиции. Очевидно, что «культуры могут уцелеть, лишь черпая силы к самотрансформации из критики и сецессии»⁴.

Кризис – это, прежде всего кризис структурной целостности системы, её *расструктуривание*. Но что такое расструктуривание, как не разрушение границ, стирание различий и размывание связей между элементами системы? Это означает, что экспансия смысла и семиотическая трансформация происходят в кризисной культуре как нагнетание границ и информационно-знаковая перегрузка системы.

Трансформационный процесс, так или иначе, выражает борьбу и единство парных противоположностей – порядка и хаоса, присутствия и отсутствия, согласия и конфликта, постоянства и изменчивости и пр. Следует заметить, что чем выше достижения культуры и уровень ее развития, тем ярче и сложнее выражена способность культуры к воспроизводству ее сущностной оппозиционности как условие поддержания ее многогранной, многосложной целостности⁵.

³ Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Антология культурологической мысли. Авт.-сост. С.П.Мамонтов, А.С.Мамонтов. – М.: 1996. – С. 323 – 327.

⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: 2001. – С. 361.

⁵ Ионесов В.И. Трансформации в культуре: Модели переходного развития и социальной адаптации // Трансформации: Риск, кризис, адаптация. Материалы IV междунар. науч-практ. конф. «Социальные инновации в культурном процессе». Сб. ст. – Самара: 2008. – С. 72 – 101; Ионесов В.И. Мультикультурализм как интеграционный процесс: модели трансформации // Креативная экономика и социальные инновации. Международ. науч. информац.-аналитич. Э-журнал. # 1(1): 2011. – С. 60 – 65 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cesi-journal.com/> (Дата обращения: 30.09.2013).

Так, в наиболее продвинутых обществах существует устойчивый интерес к другим культурам и весьма востребовано изучение (и соприкосновение) инокультурных архаических традиций как в географическом плане /по горизонтали/ (цивилизация – архаика, развитые страны – страны третьего мира), так и в историческом (временном) /по вертикали/ (современность – древность, настоящее – прошлое). Тогда как, в архаических обществах больше проявляет себя склонность к сепаратизму и культурной замкнутости. Вектор их дуальной оппозиции не выходит за границы жестко прочерченного мифологического пространства. Та же ситуация наблюдается и в периодической устремленности жителя мегаполиса вырваться хотя бы ненадолго за его пределы – на природу, к противоположному городской жизни полюсу. Чего нельзя сказать о не затронутых, не потревоженных цивилизацией жителях деревни, их бинарная оппозиционность весьма локальна и структурно привязана к дуальной стилистике деревенской жизни («бегство» из деревни почти всегда есть «поиск лучшей доли», результат ломки или потери идентичности). Принцип дуальной оппозиционности проявляет себя ярче всего в кризисных ситуациях, в которых сам кризис выступает проявлением бинарности – кризисная культура живет, спасается антикризисным (стационарным) мифотворчеством. Образно говоря, когда на *земле* (в культуре повседневности) царит хаос, на *небесах* (в мифо-символическом творчестве) утверждается идеальный порядок. Человек спасается от разрушительной стихии изменчивой реальности в имажинативном (воображаемом) мире неизменного и идеального порядка.

Октябрьская революция 1917 года демонстрирует нам еще одну ситуацию бинарного (парного) противопоставления в динамике культурных трансформаций. Голос революционно настроенной интеллигенции устремлен к наиболее забытой, придавленной и необразованной части социума – крестьянам и пролетариату, которые, в свою очередь, видят свое спасение в условиях тотального хаоса и ломки традиционной жизни на другом, противоположном им, социальном полюсе, а именно в интеллектуальных вождах революционного толка и в сверхрадикальной идеологии. Феномен революционера – интеллигента служит здесь образцом законченного воплощения дуальной самотождественности – ибо то, что порождает оппозиционность само себя и отрицает. В революционере-интеллигенте эти оппозиционные крайности смыкаются. Здесь идея, рассудительность, духовность раздуваются до своего самоотрицания – идея отрицается сверхидей, религия – атеизмом, порядок –

сверхпорядком (репрессиями), мировоззрение – политической идеологией пр.

В современной ситуации глобального перехода возрастает амбивалентность оценок происходящего и обостряется мифо-символическое восприятие меняющейся культурной реальности. Амбивалентность выражает себя как реакция на смысловую размытость и *обезразличивание*. Двойственность значений привносит различия и, тем самым, пытается удержать культуру от сползания в бесконечный водоворот обесмысливания. В кризисной культуре о себе заявляют самые разные силы, звучат самые противоречивые призывы и соединяются ранее не соединяемые сущности. На переходе приобретения и утраты, радость и горе, примирение и конфликт, порядок и хаос, опасно сближаются и образуют одну трудно различимую данность. При этом в глобальных трансформациях наблюдается ситуация, когда периоды равновесия всё более сокращаются, они становятся временными и исключительными, тогда как, неравновесия – обретают перманентный характер⁶.

Всякий кризис сопровождается ломкой структур и деформацией связей как внутри системы, так и в её отношениях с внешним миром. Опасность состоит в том, что оказавшись на определённом этапе в «структурном вакууме» кризисная культура становится по существу неуправляемой, она как бы провисает в «бесконечности», где нет различий, приоритетов, целей и движения, нет того, на что обществу можно было бы опереться, от чего можно было бы оттолкнуться. Но именно это *бесструктурность* освобождает культуру от каких-либо обязательств, и, в конечном счёте, вырывает её из давящих и мучительных объятий кризиса. Развёртывается бескрайний простор, где малейшее вторжение в него, становится судьбоносным для будущего развития культуры. То, что в «структурном вакууме» или иначе в точке бифуркации, является бесконечно малым, может стать впоследствии бесконечно большим⁷.

Некоторые исследователи рассматривают кризисную культуру как *неопознанный объект*, недоступный для интерпретации, в силу того, что кризисная реальность бесструктурна, неустойчива и непредсказуема. В ней доминируют неопределённость, фрагментарность и все раз-

личия стёрты. Постструктуралистский взгляд на кризисную культуру (Ж.Делёз, Ж.Деррида и др.) исходит из того, что не только кризисная реальность, но и вся культура лишена доминирующей структурности и фиксированной оформленности – она, скорее, хаотична, бесформенна и размыта в потоке перманентных трансформаций. Отсюда апологетика релятивизма, рассеянной произвольности и бесструктурности. По мнению постструктуралистов, в изучении кризисной реальности структуралистский подход малопродуктивен, поскольку мы не можем оперировать структурами, которые расколоты на фрагменты в меняющейся культуре или вовсе отсутствуют в состоянии бифуркации. В этом случае, кризис не подчиняется каким-либо законам. Однако представляется, что точка бифуркации и область, к ней примыкающая, сами по себе уже есть результат структурных изменений. Была бы бифуркация возможной без тех институциональных трансформаций, которые ей предшествовали и которые по существу её породили? То есть сама *бифуркационная неструктурированность* является бинарной оппозицией *стационарно-институционализованного* и структурно-упорядоченного состояния в бытии культуры и по этой причине, так или иначе, выражает структуральную логику развития культурной системы. Следовательно, применительно к кризисной культуре можно утверждать, что структура, утратившая свою структурность, выражает ещё большую структурность, подобно тому, закон без закона – самый жестокий закон.

Культурно-исторический подход в психологии в русле постнеклассической науки рассматривает кризисные явления культуры в контексте проблематики личности. В этом случае используется понятие кризис идентичности, операционализируемый как явление не только психологическое, а дискурсивно-психологическое. Оно обусловлено тем фактом, что наличие множества различных дискурсивных описаний личности, а также влияния социальных практик постоянно продуцируют конфликт между различными самоописаниями, а, по сути – способами конструирования идентичности. Без кризиса становится невозможным конструирование нового типа идентичности. Личность в условиях информационного пространства находится в условиях постоянного поиска новой идентичности, при этом кризис – единственный путь к обретению ее.

Наряду с постнеклассическим подходом существует и традиционный подход к этому вопросу, который предполагает, что многие кризисные явления в жизни личности заданы историческими факторами. Здесь значение кризиса

⁶ *Ионесов В.И.* Культура на переходе: Императивы трансформации и возможности развития. – Самара: 2011. – С. 276

⁷ *Ионесов В.И.* Апология детали // Креативная экономика и социальные инновации: Международ. информ.-аналитич. Э-журнал. – Вып. 2 (3) # 2, 2012. – С. 9 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cesjournal.com/node/51> (30.09.2013).

в полной мере применяется для описания не только симптоматических характеристик объекта, но и используется при описании качественных изменений любой системы, прежде всего – психики человека.

С позиций изучения социальной организации и социальной трансформации системы кризис – явление, тесно связанное с инновациями и нормотворчеством, которое может иметь двойной характер: конструктивный и деструктивный. В этом контексте кризис наиболее продуктивно рассматривать как системное явление и, будучи таковым, он несет на себе безличностную печать всей системы. Кризисные явления в обществе характеризуют само это общество как социальную систему, границы дозволенного и должного, которые, преломляясь, вызывают жизни смешанное разнообразие различных психосоциальных типов личности, психосоциальных и дискурсивных практик. Кризис предполагает развитие, ибо в ситуации отсутствия кризиса система находится в состоянии равновесия, а, возможно, стагнации. Последнее поддерживается за счет обеспечения системой определенного «жизненного поля», предполагающего осуществление эффективного социального контроля за отдельными единицами системы, будь то отдельные индивидуумы, социальные группы или функции.

Проблематика кризиса рассматривается в контексте кризиса идентичности, как на уровне личности, так и отдельной культуры⁸. Личностные кризисы знаменуют этапы и векторы личностной коррекции или личностных изменений, ее прогресса или регресса. На кризис влияют два психологических принципа: стремление к равновесию (гомеостазис) и стремление к напряжению. В первом случае личность стремится к равновесию с культурным окружением, а во втором – реализует свой личностный потенциал, конструируя свою идентичность.

Идентичность можно определить как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности»⁹. Идентичность, является процессом, локализованным в ядре не только индивидуальной, но и общественной культуры: «с точки зрения психологии – пишет Э.Эриксон – формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого ин-

дивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него»¹⁰. Процесс установления человеческой идентичности длится всю жизнь, начиная с момента первой настоящей «встречи» матери и ребенка.

На личностном уровне кризис проявляется, прежде всего, как кризис идентичности. Он затрагивает категоризацию, которая является процессом отнесения индивидом себя к определенной социальной группе. Социальные категории выступают в процессе познания как порождения стабильного мира: они фиксируют установившееся, прочное. Когда сам реальный мир становится нестабильным, социальные категории как бы разрушаются, утрачивают свои границы, что отражает кризисное состояние не только идентичности, но и культуры.

Кризис идентичности характерен для позднего подросткового периода и юности. Возникающие проблемы, связанные с идентичностью, часто фокусируются вокруг роли идентификаций в усилении или ослаблении идентичности. Чувство идентичности может уменьшить способность к идентификации с родителями в детстве или, напротив, неудавшийся уход от идентификации с ними в подростковом возрасте¹¹.

Изменение социальных связей вызывает необходимость трансформации прежней идентичности, что на психическом уровне приводит к утрате, потере себя, выражающейся в тяжелом неврозе, который преодолевается лишь созданием новой идентичности. Можно согласиться с точкой зрения что «идентичность становится проблемой только в ее кризисном состоянии, когда прежние незыблемость, сплоченность и стабильность сменяются сомнениями и неопределенностью»¹².

Кризис идентичности отдельного человека неотделим от современных ему социокультурных кризисов, больше того он в значительной мере проистекает из них. Можно говорить об истории идентичности, писать которую (по Э.Эриксону) значит писать историю культуры или, возможно, быть ее орудием¹³. Период юности имеет решающее значение для формирования идентичности, так как именно в это время идеологическая структура среды становится для эго наиболее значимой.

⁸ Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. – СПб.: 1995; Холл С. Проблема культурной идентичности и децентрация субъекта // Контексты современности-1. – Казань: 2000. – С.169 – 174; Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: 1996.

⁹ Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. – М.: 1996. – С. 28

¹⁰ Эриксон Э. Идентичность: – С.32 – 33.

¹¹ Толстых А. Неизвестный классик // Э.Эриксон. Идентичность: юность и кризис. – С.51 – 52.

¹² Эриксон Э. Детство и общество. – С.171.

¹³ Эриксон Э. Идентичность:

Личность реализует свой потенциал не в вакууме, а в культуре или культурном окружении. Поведенческие и концептуальные конфигурации, идеалы, а также идентичность формируются культурой. Благодаря культуре формируется та или иная степень силы или социального напряжения эго у людей, принадлежащих к данной культурной системе: «даже самая дикая культура должна стремиться к тому, чтобы у ее большинства... было “сильное эго”»¹⁴.

При этом замечено, что если в прошлом формирование человеческой идентичности проходило в процессе взаимодействия поколений, то этика будущего будет озабочена не столько взаимоотношениями поколений, сколько взаимодействием индивидов в сети культурных притяжений¹⁵.

Это особенно актуально для сегодняшних дней. Кризисные условия обостряют стремление к групповой защите, солидарности, поиску стабильности, поддержанию самоуважения. Живя

в нескольких социальных пространствах, более или менее близких к повседневной жизни, человек, прежде всего, идентифицируется с ближайшим окружением. В настоящее время процессы идентификации реализуются не на уровне государства, а на уровнях межличностного взаимодействия и малых групп.

Таким образом, кризис является системным явлением, необходимым для преобразования социума. Кризис идентичности связан с социально-историческими пертурбациями, а личность испытывает на себе сильное трансформирующее влияние культуры. Есть основания рассматривать кризис как социально-дискурсивное явление, выступающее необходимой предпосылкой обретения новой идентичности, обеспечивающей развитие личности и культуры.

¹⁴ Эрикссон Э. Идентичность: ... – С. 265 – 266.

¹⁵ Эрикссон Э. Идентичность: ... – С. 265 – 266.

CRISIS AS CULTURAL REALITY AND TRANSFORMATION OF IDENTITY

© 2014 A.I.Belkin¹, V.I.Ionesov²

¹ Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

² Samara State Academy of Culture and Arts

This article investigates the effects of global challenges on cultural process and intercultural integration. The risks and conflicts in intercultural relations grow with increased pressure on culture and which emerged out of global transformation. The article argues the prevailing statement that crisis is only alien territory and hostile inroad for culture. It proves that crisis has also great potential for creative renovation and society transformation. Crisis is a system phenomenon, which is necessary for social system development. At a personal level crisis is shown as crisis of identity, which is determined by social and cultural factors. Crisis of identity is considered in post-nonclassical approach as social discourse which is a necessary precondition of finding of a new identity for a person which ensures personal, cultural and social development.

Keywords: crisis, culture, identity, cultural reality, science, system, transformation.

° Anton Igorevich Belkin, Doctor of psychological sciences, Professor of Department of general and social psychology, Faculty of psychology. E-mail: rotati@mail.ru
Vladimir Ivanovich Ionesov, Doctor of cultural studies, Professor of Department of theory and history of culture. E-mail: ionesov@mail.ru